

И. Е. Прись

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ БЕЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ

Целью статьи является анализ понятия научных данных с точки зрения различных подходов, в частности перспективизма. На наш взгляд, перспективизм совмещает в себе достоинства репрезентационализма и реляционизма и одновременно устраняет некоторые их недостатки. Мы, однако, полагаем, что следует сделать дополнительный шаг в направлении контекстуального реализма. В рамках этой позиции мы выявляем точный смысл понятия эмпирических данных, эксплицируя логику его реального употребления. Мы приходим к выводу, что эмпирические данные не несут теоретической нагрузки в том смысле, в котором это предполагала пост-позитивистская традиция.

Ключевые слова: *данные, явление, очевидность, наблюдение, теоретическая нагрузка, репрезентационализм, реляционизм, перспективизм, контекстуальный реализм*

I. Pris

Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

EMPIRICAL DATA WITHOUT THEORETICAL LOAD

The goal of the paper is to analyse the notion of a scientific data from the point of view of different approaches, in particular, perspectivism. In our view, perspectivism combines the advantages of representationalism and relationism and, at the same time, eliminates their shortcomings. However, we believe that one should take one more step and embrace contextual realism. Within contextual realism, we clarify the notion of empirical data, by making explicit the logic of its real use. We conclude that the empirical data are not theory-laden in the post-positivist tradition sense.

Keywords: *data, phenomenon, evidence, observation, theory-ladenness, representationalism, relationism, perspectivism, contextual realism*

Введение

В 2010-е годы философы науки обозначили новую тенденцию в развитии научного знания, которая была охарактеризована как знание, «направляемое данными» или, скорее, «центрированное на данных». Речь идет о научных эмпирических данных и, в частности, «больших данных», производимых благодаря современной вычислительной технике [1]. Если во времена до цифровой революции сначала строилась теория, которая пыталась понять «внешний мир» наиболее полным образом и которая затем проверялась на опыте/экспе-

рименте, то сейчас зачастую сначала накапливается большой массив эмпирической информации в некоторой области исследования, а затем выдвигаются гипотезы, строятся модели, теории, позволяющие понять, объяснить эти данные и на их основе сделать новые предсказания. Такой подход выглядит скорее эмпирическим или даже инструменталистским. На самом деле он хорошо вписывается в новую научную парадигму, предложенную некоторыми философами науки, в том числе и нами [2]. Речь идет о неметафизическом подходе к изучению мира, отрицающем существование предопределенной реальности объектов, их свойств и отношений между ними и принимающем во внимание контекстуальность познания и онтологии. Наша точка зрения, которая основывается, в частности, на философии позднего Л. Витгенштейна и работах французского философа Ж. Бенуа, с которыми она имеет много общего, называется «контекстуальный реализм» [2–4]. Определенные объекты, – а объекты не могут не быть определенными; при этом мы трактуем понятие объекта в широком смысле как то, что имеет идентичность (реальный объект) или как сам принцип идентичности/идентификации («идеальный объект»), – возникают лишь в контексте, в рамках той или иной перспективы, точки зрения, а также формы жизни как наиболее общего контекста со своими нормами/правилами исследования в результате употребления подходящих языковых, концептуальных и теоретических средств для их идентификации. Это значит, что не существует некоей глубинной, скрытой от нас и осмысленной в себе внешней метафизической реальности, которую априорная теория может «угадать», и которая затем может быть подтверждена на опыте [2]. Подлинная теория, в отличие от спекулятивной псевдо-теории, вырабатывается на опыте/эксперименте и укоренена в нем. Она имеет реальные условия своей применимости, которые могут быть выявлены. Реальность такова, какова она есть. Она первична. Теория вторична. Это справедливо для любой области исследования, чьей целью является истина, знание. М. Битболь вообще призывает отвергнуть западную философскую традицию, согласно которой «сами вещи», их подлинная глубинная суть, познаваемые наукой, скрываются за поверхностной и обманчивой видимостью явлений. Квантовая механика вступает в противоречие с этой традицией и лучше всего может быть понята в рамках постклассической концепции научного знания как формализованного знания-как, отвергающей дуализм субъекта и объекта познания и репрезентационализм [5]. Также и для Л. Витгенштейна «нет ничего скрытого» [3, § 435]. В этом же направлении, как нам представляется, указывает и «когнитивный инструментализм» Д.-П. Роуботтома, делающий акцент на эмпирическом наблюдении [6]. Применительно к квантовой механике мы предложили вернуться к инструментализму, скорректированному в рамках контекстуального реализма [7]. Наша «контекстуальная “демократизация” квантовой механики» – коррекция реляционной квантовой механики К. Ровелли [8]. В общем случае для нас научная теория – укорененная в парадигматических случаях своего

применения, то есть в опыте/эксперименте (реальности), «витгенштейновское правило/норма» (далее: в-правило). Измеряя реальность в соответствующей области исследования, теория как в-правило идентифицирует реальные (эмпирические) объекты в рамках языковых игр своего применения, которые позволяют говорить о явлениях: реальный объект дается, является в рамках корректного применения в-правила [2]. Такие явления – то, что Н. Бор называл «опытом» [7]. Это концептуализированный, то есть идентифицированный/описанный при помощи концептов, теории опыт – наблюдаемые данные. Неконцептуализированный опыт, с которым мы имеем дело до построения теории, просто часть реальности как таковой [2]¹.

Репрезентационализм, реляционизм, перспективизм

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что понятие эмпирических данных играет первостепенную роль. К сожалению, это понятие в философии науки либо было употреблено как нечто само собой разумеющееся, либо определено неточно, либо основывалось на ложных метафизических предпосылках и, в частности, ложной концепции реальности. Понятия «явление» и «очевидность», тесно связанные с понятием «данные», имеют те же недостатки. Как следствие в философии науки возник метафизический спор между репрезентационалистами и реляционистами [9]. Первые утверждали, что данные – представление явления (вообще говоря скрытого) – «сигнал» о явлении-источнике, между которым и данными имеется причинная связь, а вторые – что данные играют чисто функциональную роль очевидности, зависящей от выбора теории, метода, области исследования, интересов и целей исследователя и т. д. Репрезентационалисты абсолютизировали данные и явления [10–12]. Для них автономные (абсолютные) данные соответствовали автономным (абсолютным) явлениям. С одной стороны, это делало данные стабильными. Они также могли использоваться в качестве очевидности независимо от области исследования и выбора метода исследования или теории. С другой стороны, зависимость данных от эпистемического и практического контекста была полностью утеряна. Всякое влияние субъекта, как и влияние неучтенных внешних факторов, было отнесено к «шуму»². Реляционисты, напротив, релятиви-

¹ Уточним, что речь не идет о двух разных опытах, а о том, что всякий опыт в принципе концептуализируем. Концептуализированный опыт – тот же самый опыт, к которому применены соответствующие концепты. Концептуализация по определению позволяет выявить содержание опыта, который сам по себе бессодержателен, но она не преобразует его.

² Для репрезентационалиста Дж. Вудворда «феномены... относительно стабильные и общие черты мира, являющиеся потенциальными объектами объяснения и предсказания общей теории» [11, р. 393]. (См. также [12].) Феномен – причина данных, а данные, соответственно, его причинное следствие. При этом информация о феномене может быть недоступна, то есть ученые могут не иметь средств, чтобы извлечь ее из имеющихся данных. Зависимость самой причинной связи от контекста во внимание не принимается. Также полностью игнорируется нормативное измерение понятия «феномен».

зировали данные и радикализировали зависимость от контекста, игнорируя при этом репрезентационалистское эмпирическое измерение данных [1]. Не только стабильность данных, но и их идентичность оказались под угрозой. В рамках реляционизма неясно, каким образом данные могут играть роль очевидности. Ф. Якоби предложил срединный путь, пытаясь совместить достоинства обеих крайних точек зрения и одновременно устранить их недостатки. Для него данные – регистрация информации о событиях, объектах, процессах и т. д. [9]. Подход Ф. Якоби имеет сходства с нашим контекстуальным реализмом. В то же время, как всякий «срединный» путь, он имеет свои недостатки, так как более точное решение проблемы не конструктивное, а терапевтическое, устраняющее ложные посылки и предпосылки (зачастую общие: репрезентационализм, реляционизм и перспективизм, – явно или неявно предполагают метафизическую концепцию научного реализма), из-за которых и возникают проблемы и парадоксы. Другими словами, наш контекстуальный и в то же время реалистический подход, не отвергающий «хорошую» (подчиненную правилам) метафизику и, в частности, признающий познаваемость самих вещей, принимает во внимание логику употребляемых понятий «данное», «явление», «очевидность» и др. Выяснение этой логики становится возможным лишь в рамках правильной реалистической концепции.

На самом деле история философии, особенно история метафизики и феноменологии, полна концептуальных смешений, так что наличие таковых как бы является визитной карточкой «любви к мудрости». Как показал Ж. Бенуа, понятие «явление» после Платона и Аристотеля вплоть до нашего времени подверглось деформациям, усечениям и (в феноменологии XX века) абсолютизации и натурализации [13]. Это, очевидно, не могло не сказаться на связанных с ним понятиях «эмпирические данные» и «данное». В философии XX века эволюция понятия «данные» также показательна. Для логических эмпиристов существуют автономные, не зависящие от теории, языка, концептуальных схем непосредственные (самоочевидные) эмпирические данные органов чувств – *sense-data*. «Миф о данном» был отвергнут В. Селларсом и другими философами. Для постпозитивистов, в частности для К. Поппера, Н.-Р. Хэнсона, Т. Куна, П. Фейерабенда и других, не существует чистых эмпирических данных; наблюдение и данные с необходимостью несут теоретическую нагрузку в зависимости от употребляемых языка, концептов, теории [14]. Понятие теоретической нагрузки может быть понято по-разному (о трех версиях этого понятия у Т. Куна см. [15], а также см. [16; 17]). Господствующая идея, однако, состояла в том, что у нас нет или даже не может быть доступа к эмпирическим данным как таковым (и, следовательно, к самим вещам) и выражающему эти данные языку как таковому: язык, наблюдение и данные не самостоятельны, а их идентичность переменна, в известной мере конструируется лингвистически, концептуально или теоретически. С этой идеалистической

точки зрения данные – результат субъект-объект (язык/концепты/теория-наблюдения/данные/очевидность) корреляций, за рамки которых невозможно выйти или даже нет смысла выходить.

С точки зрения нашего контекстуального реализма, представляющего собой умеренно дефляционистский подход, понятие теоретической нагрузки наблюдения, данных или языка возникает в результате смешения категорий реального и идеального. Эмпирические данные – данные о реальных объектах (явлениях). Теория, нормы, концепты, а также сами данные как информация/регистрация (а не объект исследования, применения теории) идеальны; они предназначены схватывать реальные объекты в понимании, познании. Они не вносят вклада в идентичность наблюдаемого, данного и, соответственно, в данные (о данном), а выражают, описывают, идентифицируют данное или данные (если сами данные становятся объектом рассмотрения) и, таким образом, выражают, описывают, идентифицируют реальные объекты. Они – инструмент идентификации данного и данных (как объекта рассмотрения) в контексте, поскольку всякая идентификация возможна лишь в контексте; она возможна лишь в результате применения концептов, вынесения суждений, которые по своей природе контекстуальны. До своей осмысленной регистрации нет и не может быть никаких определенных, в том числе и потенциальных, данных. Доброкачественное понимание теоретической нагруженности языка, наблюдения, очевидности и данных может быть лишь такое: данное и данные (о данном) не предопределены; мы не можем и даже не имеем смысла мыслить их – то же самое можно сказать об очевидности, явлении и самих вещах – если мы не применяем (в контексте) соответствующие средства для их идентификации, выражения, то есть не мыслим их. Эта тавтология содержательна, поскольку – против абсолютистского/метафизического репрезентационализма – она указывает на бессмысленность понятия осмысленных в себе данных, осмысленного в себе абсолютного (автономного) данного, самоочевидной очевидности. В то же время она отвергает релятивистскую позицию по отношению к данным, согласно которой данные (то есть в некотором неопределенном смысле одни и те же данные) в зависимости от точки зрения (выбора теории или области исследования) могут играть роль той или иной очевидности, как это утверждает реляционизм. Контекстуальность данных – это также принцип их общности (нормативность и концептуальность есть там, где есть контекст, и наоборот), а не партикуляризм.

Недостатки реляционизма

Реляционизм не разделяет с репрезентационализмом представление о стабильности данных. С. Леонелли выделяет три стадии оперирования биологическими данными: данные-очевидность, возникающие в исходном контексте; деконтекстуализированная база данных; данные-очевидность, возникающие

в новом контексте: «При переходе из исходного контекста производства к базе данных и от нее – в новый контекст исследования биологические данные являются чем угодно, но не стабильными объектами» [1, р. 5]. Согласно реляционистской позиции С. Леонелли данные можно привести в движение, транспортировать и употреблять. Для этого они должны быть форматированы, классифицированы, организованы при помощи метаданных и сохранены для более позднего употребления. Бессмысленно абстрактно спрашивать о том, какие объекты являются данными сами по себе, поскольку данные идентифицируются в терминах их функции в соответствии с той ролью, которую они играют в рамках конкретного процесса исследования. Реляционность подхода означает, что данные не имеют смысла безотносительно к контексту, в котором они используются. Данные как очевидность возникают в рамках того или иного процесса исследования.

Создается впечатление, что для С. Леонелли сама база данных не данные. База данных – это, скорее, то, что она называет «объектом» – понятие, которое, на наш взгляд, у нее плохо определено. Для С. Леонелли всякий объект может быть рассмотрен как данное (*datum*) постольку, поскольку (1) он трактуется как потенциальная очевидность для одного или более утверждений о феноменах, и (2) его можно перемещать (циркулировать) между индивидуумами. Совокупность данных не просто приобретает или теряет некоторые свои свойства или характеристики, когда их употребляют или когда меняется их материальная форма; данные в действительности перестают быть данными или становятся другими данными.

Таким образом, для С. Леонелли совокупность зарегистрированных на материальном носителе «данных» (которые сами по себе еще не данные как очевидность, а просто база данных) – очевидность, если эти объекты функционируют как очевидность и эта совокупность может быть транспортирована. То есть данные определяются в соответствии с их функционированием в качестве потенциальной очевидности и в силу их «физической формы».

В отличие от С. Леонелли, мы приписываем базе данных минимальную идентичность, которая затем может конкретизироваться в результате ее употребления в разных контекстах, производя при этом разные данные-очевидности, которые в общем случае суть данные-очевидности о разных феноменах. Если для реляциониста физическая форма определяет инвариант, который может по-разному употребляться в разных контекстах и, соответственно, приобретать статус той или иной очевидности, то для нас природа материального субстрата не важна, а важен его принцип (норма). Поэтому для нас «физическая форма» в смысле реляциониста имеет некоторую минимальную идентичность. Мы согласны с Ф. Якоби, что для идентификации данных недостаточно их употребления-как-очевидности и что материальность данных не существенна для установления их очевидности. В самом деле, если нет никако-

го инварианта, который употребляется, а просто набор очевидностей в разных контекстах, между которыми нет никакой связи, то невозможно определить идентичность данных-очевидностей. При незначительном изменении контекста остается неясным, имеем ли мы дело с новыми данными-очевидностями или же с теми самыми данными-очевидностями. Важна, так сказать, «форма» материальности, которая и определяет идентичность данных, а не сама материальность.

Данные

Итак, что же такое «данные» и чем они отличаются от «данного»? Что такое наблюдение, явление и очевидность? Мы уже имплицитно частично определили все эти понятия и установили, что между ними имеется тесная связь. «Данное» – это то, что дается, является в рамках явления, то есть это реальный объект в широком смысле – данное эмпирическое. И наоборот: термин «эмпирические данные» можно понимать как указывающий на данное (в рамках явления), то есть реальный эмпирический объект. Его можно также понимать как указывающий на регистрацию этого данного на том или ином материальном носителе (бумаге, компьютерном диске и т. д.). Эти два смысла термина «данные» – данные как реальный объект и данные как регистрация реального объекта, – очевидно, неразделимы и подразумевают друг друга: нет данного без возможности своей регистрации и нет регистрации данных в отсутствие реального (в общем случае потенциального, необязательно актуального) данного. Сама процедура регистрации подразумевает употребление инструментов наблюдения/регистрации. Инструменты должны быть подходящими, то есть предназначенными для регистрации соответствующих данных, и сама их конструкция и их применение должны основываться на устоявшейся (проверенной) теории. Если теория находится на стадии своего становления, то есть еще не может считаться истинной, знанием, она не может быть использована для проектирования и конструирования инструментов наблюдения или наблюдения данных, которые ее «подтверждают». «Проверка» такой теории предполагала бы проверку положений, которые принимаются заранее. Это как раз тот самый случай, когда «эмпирические» данные конструируются, оказываются теоретически нагруженными, то есть, по сути, фальсифицируются.

Применение инструментария неотделимо от применения соответствующей теории, концептов, языка, что подразумевает ответственность наблюдателя/экспериментатора за свои суждения, которые всегда контекстуальны. Информация о наблюдаемом объекте может регистрироваться на носителе вместе с метаданными, описывающими контекст наблюдения, но в этом не всегда есть необходимость. Представление само по себе – изолированные, вы-

рванные из контекста данные – без способа своего употребления не позволяют представить конкретный объект. Такие деконтекстуализированные данные все же сохраняют некоторую минимальную идентичность, то есть отсылают к чему-то реальному. Поэтому они могут быть употреблены в разных (новых) контекстах. В результате возникают новые данные-очевидности в зависимости от выбора контекста, то есть области исследования, метода, теории и т. д. Эти новые, более конкретные данные могут быть несовместимыми. С нашей точки зрения, они указывают на реальные контекстуальные объекты. Это как раз та самая вариабельность, которую на своем языке пытается выразить реляционист. При этом реляционистские проблемы идентичности и нестабильности данных исчезают: в своем контексте данные всегда остаются теми же самыми данными. Отметим, что идентичность данных и их стабильность – взаимосвязанные понятия (например, Ф. Якоби их различает [9]). Если мы знаем, что представляют собой данные, то есть способны отождествлять «те же самые» данные, то и проблема стабильности не возникнет: стабильность – это неизменность, инвариантность, или, говоря иначе, существование принципа идентификации – «идеального объекта» (нормы, концепты, определения), позволяющего идентифицировать реальный объект. Под «нестабильностью» можно также понимать излишнюю чувствительность к контексту. На самом деле такая гиперчувствительность имела бы своим следствием невозможность точно сказать, когда речь идет о том же самом объекте, а когда уже следует принять во внимание изменение самого контекста. То есть, по сути, и в этом случае проблема стабильности сводится к проблеме идентичности и, как мы показали, к проблеме точного определения понятий, выяснению их логики (или, как теперь принято говорить, следуя Л. Витгенштейну, их «грамматики»).

Логика явления («феномена»), в рамках которого нечто дается (наблюдается), была установлена Платоном. Он открыл, что всякое явление имеет нормативную структуру, то есть предполагает различие между видимостью и реальностью. Говоря современным языком, явление предполагает (истинное или ложное) суждение в соответствии с нормой (правилами, концептами), которое делает субъект, наблюдающий явление. Аристотель развил понятие явления. Его категории как раз и позволяют выразить логику явления. Для Аристотеля явление является кому-то, в некоторый момент времени, некоторым образом и при некоторых условиях [13].

Применительно к нашей теме это значит, что не имеет смысла говорить о неких автономных явных или скрытых явлениях, между которыми и данными имеется причинная связь, как это делают репрезентационалисты. Данные действительно что-то представляют, но они представляют это в контексте: само явление контекстуально, не автономно, а вместе со своей нормой укоренено в превосходящей его реальности, которая играет роль почвы для него.

Это также значит, что реляционистская зависимость данных-очевидностей от контекста не радикальна. В частности, одни и те же данные могут быть сохранены на разных материальных носителях и играть роль одной и той же очевидности (одним и тем же данным могут также соответствовать разные метаданные).

В рамках своего срединного подхода, ссылаясь на перспективистский реализм Р. Гиере и других авторов, Ф. Якоби вводит понятие перспективы [9; 18]. Данные перспективны, так как не существует бесперспективных данных, говорит он. Мы всегда наблюдаем и регистрируем данные с той или иной точки зрения, в рамках той или иной перспективы. Наше перцептивное восприятие мира перспективно. Употребление некоторого инструмента или некоторой теории – употребление определенной перспективы. Перспективизм идет рука об руку с контекстуализмом. Выбор перспективы – выбор контекста. Между тем перспективистский реализм имеет репрезентационное измерение: это реализм, делающий утверждения относительно объектов внешнего мира. Ф. Якоби также делает акцент на том, что наблюдение и регистрация данных требует ответственного суждения, которое нормативно (мы решаем, что важно, а что нет, что заслуживает внимания, регистрации, а что нет). Таким образом, перспективизм во многом позволяет устранить недостатки репрезентационализма и реляционизма и имеет общие черты с контекстуальным реализмом.

Несмотря на симпатию к точке зрения Ф. Якоби, мы полагаем, что она имеет свои недостатки. Это недостатки перспективизма как такового. Перспективизм предполагает осмысленность метафизического (научного) реализма, который он подправляет конструктивистски, вводя дополнительное понятие перспективы, неверно понимаемое им по образу и подобию перспективы перцептивной или геометрической. Перспективизм Р. Гиере апеллирует к перспективистским представлениям и моделям, оставаясь тем самым в рамках репрезентационализма модерна. В результате перспективизм вырождается либо в релятивизм (реальность зависит от выбора перспективы), либо в корреляционизм: перспектива оказывается как бы частичным экраном между нами и реальностью; она преграждает доступ к самим вещам, к эмпирическим данным как таковым¹. Последние оказываются перспективно нагруженными – другая ипостась теоретической нагрузки.

На самом деле перспективы не следует ни игнорировать, как это делает метафизический реализм, ни субстанциализировать, или, так сказать, нормализовать, как это делает, например, Х. Патнэм в рамках своего «внутреннего

¹ Мы согласны с Ж. Бенуа, что «нет “конечности” в перспективистском смысле, изобретенном представителями модерна – всякое знание абсолютно; в противном случае оно не было бы знанием» [19, р. 52]. Парадигматический пример объективности без перспективы (и «без объекта») в смысле философии модерна дает квантовая механика [20].

реализма» [21] и (в меньшей мере) сам перспективизм. С точки зрения нашего контекстуального реализма, выбор перспективы – это выбор концепта, теории, языка, концептуальной схемы¹. Поэтому не существует бесперспективного мышления, суждения, наблюдения, регистрации данных. Понятие перспективы в этом смысле просто оказывается излишним. Говорить о перспективе – просто напоминать очевидное: по определению мы не можем мыслить «неконцептуально» в отсутствие инструментов мышления, а значит, и самой мысли. Эмпирические данные, если они корректным образом зарегистрированы, таковы, каковы они есть в своей определенности. Они не несут в себе теоретической или перспективистской нагрузки. Они «перспективны» лишь в тавтологическом смысле самого своего существования.

Эмпирические данные и феноменологическое данное

Существует очевидная связь между неверным употреблением понятия «данные» в философии науки и понятием «данное» в феноменологии. Феноменологическое понятие *данного* как «явления» в смысле «чистой видимости» не имеет смысла, так как видимость не может быть автономной («чистой»), а предполагает реальность, которой она соответствует или нет. «Данное» не следует употреблять и для обозначения неопределенного фрагмента реальности, так как чистая фактивность по определению не дана; она просто есть, или мы ее просто имеем. Неверно также полагать, как это делает феноменология, что существует автономное «голое», или «чистое», данное, которое невозможно выразить при помощи языка (концептов, теории) по той причине, что язык/теория якобы играет роль интерпретационного экрана между нами и данным, искажает или теоретически грузит данное [4, р. 193]. «Неинтерпретированное», «голое» данное, не предполагающее какую-либо точку зрения на него, – не требующая концептов для своей демонстрации фикция. В быденном и научном языках «данное» означает определенное данное, то есть предполагает свою идентификацию – истинную или ложную (если данные ошибочны) – и, следовательно, употребление концептов (правил, норм). Другими словами, данное, как мы уже говорили в предыдущих разделах, – концептуализированный фрагмент реальности (см. сноску 1 на с. 78). Субъект выбирает подходящие нормы, способы концептуализации, формирования данного и одновременно несет ответственность за этот выбор и за корректную идентификацию данного в соответствии с этим выбором, что предполагает риск. Эти право и ответственность субъект не должен перекладывать на кого-то другого (интерпретатора) под предлогом, что он не хочет исказить дан-

¹ Для Ф. Якоби зависимость «данных» от теории слабая. Зато они сильно зависят от перспективы. Мы отвергаем различие между теорией и перспективой. Для нас теория – тоже перспектива.

ное. При этом конфликт с другими субъектами может оказаться неизбежным. Риск не только в том, что идентификация данного в соответствии с некоторой нормой может быть ошибочной (ошибку достаточно легко можно устранить и прийти к общему согласию), но и в том, что другой субъект может отвергнуть твою норму и, соответственно, не признать твое данное/данные (которое есть данное (данные) лишь при условии принятия соответствующей нормы) за данное/данные. Он может ответственно выбрать другой способ функционирования, другие нормы и, следовательно, идентифицировать другое данное (и данные). Такое разногласие рационально трудноразрешимо. Реляционист, акцентирующий внимание на чисто функциональном аспекте данных, употребляемых в качестве той или иной очевидности в рамках той или иной точки зрения, недостаточно ответственен, что ведет к релятивизму. К противоположной крайности догматического репрезентационализма, отвергающего контекстуальность и, как следствие, саму реальность (а вместе с этим и нормативность – недостаток, который репрезентационалист разделяет с реляционистом), приводит принятие в качестве данного лишь данное, концептуализированное тем или иным образом, в соответствии с некоторой фиксированной нормой. Другие нормы, другие виды концептуализации данного отвергаются. За реальность принимается лишь та или иная объективированная и фиксированная раз и навсегда реальность.

Неправильное понимание понятия данного и, соответственно, понятия данных может привести, с одной стороны, к абсолютизации данного, которое рассматривается как в некотором смысле самоочевидный фундамент (при этом, как уже было сказано, о нормативном измерении всякого данного (данных) и, следовательно, возможности ошибки (иллюзии) забывают), а с другой – к субстанциализации нормы, то есть превращению ее в «идеальное данное», трансцендентный субстанциальный идеал, который не может быть дан, но в то же время как бы дан в своей трансцендентности и с которым сравнивается действительное данное и, соответственно, действительные данные. В известном смысле норма (правило, концепт) первична, то есть предшествует данному, и относится, как мы уже отметили, к категории идеального, а данное вторично и относится к категории реального – это применение нормы. Данное предполагает, что есть нечто по ту его сторону – реальность, в которой оно укоренено и которая его питает. Но это не означает, что данное неполно, как если бы имело смысл говорить о некотором более полном данном (и, соответственно, данных), чем всякое действительно данное (данные).

Заключение

Перспективизм как «срединный путь» определения понятия научных данных совмещает в себе достоинства репрезентационализма и реляционизма и одновременно устраняет некоторые недостатки этих крайних позиций. В то

же время все три позиции в той или иной мере разделяют между собой общую метафизическую концепцию реальности традиционного научного реализма. Мы утверждаем, что от этой концепции необходимо отказаться. Перспективисту следует сделать дополнительный шаг в направлении контекстуального реализма. В рамках последнего понятия явления (феномена), данного и эмпирических данных, очевидности, теоретической нагруженности хорошо определены. Мы утверждаем, что подлинные эмпирические данные не несут теоретической нагрузки в том смысле, в котором это предполагала постпозитивистская традиция. О теоретической нагрузке данных можно говорить лишь в том смысле, что для идентификации и регистрации данного требуются соответствующие средства идентификации: язык, концептуальный аппарат, теория, инструмент измерения и т. д.

Список использованных источников

1. Leonelli, S. *Data-Centric Biology: A Philosophical Study* / S. Leonelli. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 2016. – 288 p.
2. Прись, И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика / И. Е. Прись. – М. : Алетей, 2020. – 345 с.
3. Wittgenstein, L. *Philosophical Investigations* / L. Wittgenstein ; transl. by G. E. M. Anscombe. – Oxford : Blackwell, 2001. – VIII, 250 p.
4. Benoist, J. *L'adresse du reel* / J. Benoist. – Paris : Vrin, 2017. – 376 p.
5. Bitbol, M. *A phenomenological ontology for physics: Merleau-Ponty and QBism* / M. Bitbol // *Phenomenological approaches to physics* / eds.: H. A. Wilsche, P. Berghofer. – Springer, 2020. – P. 227–242.
6. Rowbottom, D. P. *The instrument of science: Scientific Anti-Realism Revitalised* / D. P. Rowbottom. – Abingdon : Routledge, 2019. – 228 p.
7. Прись, И. Е. О контекстуальной «демократизации» копенгагенской интерпретации квантовой механики / И. Е. Прись // *Второй Международный конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо»* : сб. ст. / ред.: И. Т. Касавин, Л. В. Шиповалова. – М. : РОИФН, 2020. – Т. 1. – С. 128–131.
8. Rovelli, C. *Relational quantum mechanics* / C. Rovelli // *Int. J. Theor. Phys.* – 1996. – Vol. 35, № 8. – P. 1637–1678.
9. Jacoby, F. *Data and perspectivism* [Electronic resource] / F. Jacoby // *Synthese*. – 2020. – Mode of access: <http://philsci-archive.pitt.edu/17690/> – Date of access: 29.11.2020.
10. Bogen, J. *Saving the phenomena* / J. Bogen, J. Woodward // *Philos. Rev.* – 1988. – Vol. 97, № 3. – P. 303–352.
11. Woodward, J. *Data and phenomena* / J. Woodward // *Synthese*. – 1989. – Vol. 79. – P. 393–472.
12. Woodward, J. *Data and Phenomena: A Restatement and a Defense* / J. Woodward // *Synthese*. – 2011. – Vol. 182. – P. 165–179.
13. Benoist, J. *Logique du phénomène* / J. Benoist. – Paris : Hermann, 2016. – 224 p.
14. Hanson, N. R. *Patterns of discovery* / N. R. Hanson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1958. – IX, 241 p.
15. Bogen, J. *Theory and observation in science* [Electronic resource] / J. Bogen // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – 2017. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/science-theory-observation/>

16. Schindler, S. Theory-laden experimentation / S. Schindler // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A.* – 2013. – Vol. 44, № 1. – P. 89–101.
17. Basu, P. K. Theory-ladenness of evidence: a case study from history of chemistry / P. K. Basu // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A.* – 2003. – Vol. 34, № 2. – P. 351–368.
18. Giere, R. N. An agent-based conception of models and scientific representation / R. N. Giere // *Synthese.* – 2010. – Vol. 172, № 2. – P. 269–281.
19. Benoist, J. De l'apparence à l'écho / J. Benoist // *Le volume collectif issu du colloque à la Philharmonie 'L'Echo du réel' (Mimesis).* – 2021. – P. 51–63.
20. Benoist, J. Objectivité sans perspective [Electronic resource] / J. Benoist // *Rivista di Filosofia Neo-Scolastica.* – 2020. – Vol. CXII, № 3. – Mode of access: <https://filosofianeoscolastica.vitaepensiero.it/>
21. Putnam, H. Two philosophical perspectives / H. Putnam // *Reason, truth and history.* – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1981. – P. 49.